

*Читайте
в серии:*

ПОЦЕЛУЙ
ПОД
ДОЖДЕМ

КЛАСНАЯ
ЛЮБОВЬ

ВЫПУСКНОЙ
РОМАН

♥ СВЕТАНА ЛУБЕНЕЦ ♥

♥ Поцелуй
под дождем

♥ МОСКВА 2014 ♥
ЭКСМО

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Л 82

Оформление серии
Светланы Прохоровой

Лубенец, Светлана.

Л 82 Поцелуй под дождем : повесть / Светлана Лубенец. — Москва : Эксмо, 2014. — 224 с. — (Моя первая школьная любовь. Романтические повести для девочек).

ISBN 978-5-699-71557-2

Никто из парней, уверена красивая девчонка по имени Лариса, не может устоять перед ней! Но вот Андрей Разумовский ее чарам не поддается! Даже несмотря на то, что они целовались как-то под дождем. Похоже, он всерьез увлечен новенькой, Наташей, которая приехала откуда-то из медвежьего угла и теперь портит Ларисе жизнь... К тому же самый красивый парень в школе, Никита, один из верных Ларисиных обожателей, стал уделять Наташе слишком много внимания. Что же делать?.. И Лариса придумала — отправилась к ворожее, чтобы навести на разлучницу порчу. Не беда, что гадалка попала какая-то странная и порчу наводить отказалась. Лариса решила все сделать самостоятельно...

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Лубенец С., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71557-2

Лариса отсчитывала рубли, встав к прилавку за своим одноклассником Андреем Разумовским. Когда они почти одновременно вышли из магазина с батонами в пластиковых пакетах, начал накрапывать дождь. Вскоре дождь превратился в настоящий ливень. Лужи росли, как в мультфильмах, разливаясь прямо на глазах. Проезжающая мимо машина обдала Ларису с Андреем веером грязных брызг. В основном все они достались Разумовскому, потому что он находился ближе к проезжей части дороги.

— Андрюшка! Давай сюда! — крикнула Лариса и во всю прыть припустила к крытой беседке на детской площадке их двора. Разумовский, смешно прикрываясь пакетом с батоном, рванул вслед за ней.

В беседке они уселись на те несколько дощечек, что остались от скамеек, а дождь лупил по оцинкованной крыше практически с теми же звуками и с тем же успехом, с какими Ларисин сосед, второклассник Валерка, обычно барабанил по своему фортепиано. Андрей отряхнул джинсы и джемпер, потом, вытащив из кармана носовой платок, стал вытирать лицо, но только размазал грязь.

— Дай я, — предложила Лариса и тут же отобрала у него платок. Одной рукой она повернула к себе его лицо, другой стала вытирать со щеки грязные разводы.

Она просто хотела ему помочь, но расширившиеся глаза Андрея заставили ее замереть. Она заглянула в них, увидела его напряженное лицо, усмехнулась и поцеловала Разумовского в плотно сжатые губы. Андрей не шелохнулся. Лариса поцеловала еще. Никакого ответа. Тогда она обвила руками его шею и прошептала:

— Да обними же меня, дурачок.

Она услышала стук упавшего пакета с булкой и почувствовала на спине руки Андрея. Они целовались долго. Очнулись только тогда, когда на площадке, заглушая стук последних капель дождя, снова зазвенели детские голоса. Дождь кончился. Лариса оттолкнула Андрея, взяла свой пакет и сказала:

— Ну, я пошла.

Андрей молчал.

— Надеюсь, ты понимаешь, что все это ничего не значит?

— Еще бы! — сказал Андрей, поднял свой пакет и первым вышел из беседки.

Лариса пожала плечами и тоже пошла к дому.

Лариса Нитребина была звездой своей, ранее обычной, средней школы, которая в этом году вдруг взяла и переименовалась в гимназию. Успехом у мужского пола Лариса пользовалась всегда. Даже в детском саду все мальчишки, как один, мечтали стоять с ней в одной паре и даже согласны были бесконечно играть в дочки-матери, если того хотела Лариса. Когда она училась в первом классе, два паренька так подрались из-за нее, что

одному даже пришлось некоторое время полежать в больнице.

И в нынешней гимназии из-за нее не дрались, хотя сама Лариса никого из драчунов так и не одарила своей благосклонностью. К восьмому классу она расцвела еще больше, а сейчас, перейдя в девятый и став гимназисткой, приобрела фигуру и рост настоящей супермодели. Ее рыжие волосы потемнели, приобрели красивый каштановый оттенок, шире распахнулись золотистые глаза, прихотливо изогнулись губы. Поскольку отец Ларисы занимался бизнесом и зарабатывал неплохие деньги, она могла позволить себе одежду не с вещевых рынков, а из фирменных магазинов. Нарядов у нее было немного, но все они отличались стильностью и выгодно подчеркивали достоинства ее внешности.

В общем, к девятому классу по Ларисе сох уже весь мужской коллектив их школы, включая молоденького учителя физкультуры Олега Анатольевича, а также двух дворов, прилегающих к ее дому, и еще одного двора на соседней улице, где жила ее лучшая подруга Ольга Карпова. В кабинете черчения на одном из учебных кульманов кто-то из Ларисиных поклон-

ников крупно вывел красным маркером: «Лара — супер!!!» Лев Сергеевич, чертежник, дико злился, пытался счистить надпись наждачкой, но ядовитая жидкость въелась в дерево слишком глубоко и никакой чистке не поддавалась. Когда Лев Сергеевич предложил Ларисе стирать за своими поклонниками регулярно появляющиеся в разных местах школы надписи, она звонко рассмеялась ему в лицо и заявила, что если начнет это делать, то у нее совершенно не останется времени на приготовление домашнего задания по черчению. Чертежник сжал и без того тонкие губы в нитку и с тех пор вместо одной карточки домашнего задания стал давать Ларисе сразу по две штуки. Ольга считала, что на такую дискриминацию стоило бы пожаловаться хотя бы классному руководителю, но Лариса только смеялась и ловко справлялась и с двойным заданием. Это злило чертежника еще больше, но на три карточки он все же не расхрабрился.

Первым красавцем их параллели считался Никита Романенко из 9-го «В». Это был высокий стройный молодой человек знойного итальянского типа. Конечно, Лариса, как сейчас говорится, тусовалась с Ни-

китой, но каких-то особенных чувств она к Романенко не испытывала. Она просто поддерживала свой имидж: супер-Лариса должна гулять именно с супер-Никитой, а не с кем попало. На самом деле Романенко казался Ларисе несколько глуповатым, да и целовался он как-то не очень...

Все девчонки Ларисинога 9-го «Б» были в кого-нибудь влюблены. На Никиту, естественно, никто не зарился, его только провожали долгими, нежными взглядами. Ольга Карпова была безответно и без памяти влюблена в одноклассника Игоря Колесникова и прожужжала подруге про него все уши.

Лариса размышляла, почему она не влюблена в Никиту, почему вообще ни в кого не влюблена, и не находила ответа. Может быть, то, что она испытывает к Романенко, и есть влюбленность? Проводила же она с ним хорошие вечера. Когда он обнимает ее, ей, в общем-то, приятно. Целуется не так, конечно, как хотелось бы, но, в общем-то, терпеть можно... И потом, кто его знает, как вообще надо целоваться? Как-то странно все это. Лариса терпит Романенко, словно головную боль, будто «домашку» по чер-

чению или завывания Льва Сергеевича. А надо ли? Влюблен ли в нее Никита? Он не раз говорил о любви. Неужели то, что он провожает ее домой, танцует с ней на дискотеках, и называется любовью? Как скучна и однообразна она в таком случае, как бесцветна и буднична! Похоже, люди насочиняли себе сказок про любовь, чтобы было о чем мечтать, сочинять стихи и петь песни. А иначе на что еще нужна литература со всеми ее Евгениями Онегинными, Аннами Карениными и «чистейшей прелести чистейшими образцами»?

Когда Ларисе было лет десять, она мечтала о том, как вырастет, наденет туфли на каблуках, покрасит губы и ресницы, и это состояние покрашенности и высококаблучия казалось ей высшим проявлением счастья. И что теперь? У нее есть и туфли на полукилометровых каблуках, и невероятной дороговизны косметика, но счастья они ей почему-то не приносят. И даже собственная красота, которой, сколько себя помнит Лариса, все всегда восхищались, кажется ей порой бессмысленной и ненужной.

Несмотря на столь неутешительные мысли и выводы, на наличие в мире обыкновенной любви она все-таки продол-

жала надеяться. Более того, она о ней мечтала даже в тот момент, когда, подшучивая над Ольгой, уверяла, что поцелуй — это не что иное, как всего лишь соприкосновение двух кривых в одной плоскости, и ничего больше. Мечтала, но не имела. Даже когда рядом с ней был красавец Никита, она почему-то никак не могла избавиться от ощущения скуки и отвратительного состояния тоски и полной неудовлетворенности. Лариса всегда с удивлением смотрела старые советские фильмы типа «Весны на Заречной улице». Какие долгие ухаживания, слезы, страдания... А сейчас? Она согласилась пойти с Никитой на дискотеку в самый же первый раз, как только он ее пригласил. И поцеловал он ее первый раз после той же дискотеки. Лариса не испытала ничего, и именно тогда ее сердце заледенело. Она поняла: любви нет, поцелуи — странное, пустое времяпрепровождение. Мальчика Кая из знаменитой сказки Андерсена поцеловала Снежная королева, а Ларису Нитребину — Никита Романенко. Результат оказался идентичен.

И еще. Стоило только Ларисе размечтаться о возможности счастливых романтических отношений, как наблюдения за

семейной жизнью родителей тут же возвращали ее на землю, и она опять утверждалась во мнении, что любви на самом деле не существует. На столике в родительской спальне стояла их свадебная фотография. Мама с отцом на ней были юными, красивыми, со счастливыми улыбками. Все ложь! Лариса так же улыбается, когда гуляет с Никитой по городу. А что на самом деле? Она охотнее гуляла бы без него. А отец? Его почти не бывает дома. Он занят в какой-то совершенно непонятной фирме. Красавица мама сидит дома одна и умирает от скуки и тоски. Отец приезжает только для того, чтобы поесть, сменить одну белую рубашку на еще более белоснежную, и уезжает опять. Маме он говорит только «подай», «принеси», «постирай» и еще два ужасных слова: «замолчи» — когда рядом Лариса — и «заткнись» — когда ему кажется, что дочь его не слышит.

Лариса вспомнила беседку и Андрея. Как смешно он окаменел, когда она его поцеловала. Он, видимо, никогда раньше не целовался, но ничего... научился быстро... Получается, пожалуй, получше, чем у Романенко. А какие у него были сумасшед-

шие глаза... И ты туда же, Андрюшенька! И ты такой же, как все, не смог устоять! А пошли вы! Лариса бросила на кухонный стол пакет с батоном, прошла в свою комнату и врубила на весь дом: «Давай за вас, давай за нас, и за спецназ, и за Кавказ...» По крайней мере, не про любовь!

Когда Лариса утром следующего дня вошла в кабинет физики, Андрей что-то писал в тетради за своим третьим столом у окна. Ольга Карпова помахала рукой с последней парты и крикнула:

— Ларик! Иди сюда!

Лариса в упор смотрела на Разумовского. Он продолжал писать, не поднимая головы, но Лариса видела, как его щеку, обращенную к ней, заливают краской. Она еще раз бросила на молодого человека взгляд, полный презрения, и пошла к Ольге.

— Чего это ты? — спросила Ольга. — Чуть не уничтожила взглядом Разумовского!

— А-а-а, — махнула рукой Лариса. — Все они одинаковые...

— Кто «они» и в чем одинаковые? Погоди... Неужели Андрюшка к тебе приставал? Не может быть!

— Почему это не может? — Последнее заявление Ольги несколько задело Ларису.

— Будто ты не знаешь, что он у нас недотрога.

— Недотрога? — с удивлением переспросила Лариса. — Что за дурацкое слово?

— Ну конечно! — Ольга выразительно покачала головой. — Разве тебе есть дело до какого-то там Разумовского! Ты же ничего про него не знаешь!

Нитребина нетерпеливо поморщилась:

— Что я должна про него знать? Что еще за ерунда?

— А то! Глазки-то, Никиткой замазанные, протри! Андрюшка — парень видный, а ни с кем не встречается. Многие девчонки его расшевелить пытались, и все впустую: поговорит, поулыбается и — гудбай! Даже я, каюсь, — Ольга в смущении покрутила прядку волос, — ну... до Колесникова... пыталась завязать с ним отношения...

— И что?

— И ни-че-го! Дал мне полный отлуп, но очень вежливенько и тонко — даже обидеться невозможно.